

УДК 904

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-2-217-228

СКИФСКАЯ «ИНДИЯ» И КАВКАЗСКАЯ «АХАЙЯ»**SCYTHIAN «INDIA» AND CAUCASIAN «ACHAIA»****Н.П. Писаревский****N.P. Pisarevskiy**

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1

Voronezh State University,
1 Universitetskaya pl., Voronezh, Russia, 394006

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация

Сравнительное изучение разнотипных аспектов древней истории Греции и Индии обратило внимание учёных на сходства между языками, материальной, художественной и духовной культурой древних греков и ведийских ариев. В пользу былого родства двух народов свидетельствуют данные античной традиции об областях Индия, Ахайя и «земле Аиа» на кавказском побережье Чёрного моря, находящие себе аналоги в мифологии и эпической поэзии Древней Индии. Их рассмотрение в контексте истории населения Северного и Восточного Причерноморья, Малой Азии, полуострова Индостан и Балканской Греции на основе междисциплинарного подхода и с учётом достижений археологов, лингвистов и исторической компаративистики показывает, что единственным путём доказательства достоверности показаний разнотипных источников по данному вопросу является выяснение их исторической основы (географической, этнической и социальной).

Abstract

A comparative study of different types of aspects of ancient history of Greece and India drew the attention of scientists to the similarities between the languages, material, artistic and spiritual culture of the ancient Greeks and Vedic arias. In favor of the former relationship of the two peoples is evidenced by the data of the ancient tradition of the regions of India, Achaia and "Aia land" on the Caucasian coast of the Black sea, which find their analogues in the mythology and epic poetry of Ancient India. Their consideration in the context of the history of the population of the Northern and Eastern black sea, Asia Minor, the Indian Peninsula and Balkan Greece on the basis of an interdisciplinary approach and taking into account the achievements of archaeologists, linguists and historical comparativistics shows that the only way to prove the reliability of the testimony of different types of sources on this issue is to clarify their historical basis (geographical, ethnic and social).

Ключевые слова: гидронимия, этногенез, топономастика, Индия, Колхида, Ая, Кавказ, Ахайя, ведийские арии, Понт, Певтингеровы таблицы, Геродот, Диодор, Плутарх, Страбон.

Keywords: hydronyms, ethnogenesis, toponomastica, India, Colchis, Aia, the Caucasus, Achaia, Vedic Aryans, bluff, Peutinger table, Herodotus, Diodorus, Plutarch, Strabo.

В самое последнее время непонимание того, что представляла Индия античной традиции вообще и Кавказская Индия и Индская Ахайя Певтингеровой таблицы римского времени в частности, проявилось в публикациях двух современных отечественных учёных – В.Д. Бухарина и А.В. Подосинова. Первый находит недостоверными свидетельства эллинистической мифографической традиции о походах греческих богов Диониса и Геракла к индам, живущим за Фракией, полагая, что перенос географических представлений был связан с походами Александра Македонского и свидетельствами их историков, как и

посла Селевка Никатора в Магадхе Мегасфена [Бухарин, 2002]. Второй, следуя по тому же пути, с одной стороны, прокладывает путь бегства гонимой Герой дочери бога и царя Аргоса Ио – возлюбленной Зевса, таким образом, который исходит из его понимания маршрута как отображения эллинистических представлений, а с другой – ведёт поиск истоков реки Танаиса на Кавказе, полагая, что именно данное обстоятельство и послужило основой представления о Танаисе/Фасисе как границе Европы и Азии [Подосинов, 2013; Подосинов, 2012; Подосинов, 2015].

И та, и другая точки зрения неверны [Рабинович, 2003; Писаревский, 2018]. Что же представляет собой «Индия за Фракией», «Индская Ахайя» и «Индия» на Кавказе вообще?

Анализ этой проблемы следует начать с такого непредвзятого античного автора, каким по отношению к Кавказу был Плутарх. Сообщая о победах Помпея над понтийским царём Митридатом VI Эвпатором, он приводит весьма ценные с интересующей нас точки зрения свидетельства: имена албанских военных вождей и ряд географических названий Кавказской Албании (Кирн/Кура, Абас/Абант); имена военных предводителей албанцев – Косид, Косис (близкие к фрак. Kotis) и Орис, Оройс (близкие к греч. Orik).

Красочно рассказывает Плутарх и о триумфе Помпея по поводу побед над союзниками понтийского царя. В процессии, его сопровождавшей, среди прочих атрибутов были пронесены две огромные таблицы с перечнем крупнейших деяний триумфатора (победы над Понтом, Каппадокией, *Индией* (!?), Колхидой, иберами и албанами.

Из этого сообщения прямо следует, что речь идёт не о Индии, которая располагалась на Индостане, и где Помпей не воевал, а об Индии, которая располагалась к северу от Колхиды, иберов и албанов [Тохтасьев, 2016]. А это сообщение вновь возвращает к идеям П. Кречмера – О.Н. Трубочёва о синдах и меотах как индоарийских племенах в Северном и Северо-Восточном Причерноморье, откуда, как полагают другие исследователи, они мигрировали в Переднюю Азию по «Кавказской дороге» до середины II тыс. до н. э., смешиваясь на пути своего следования с носителями кавказских диалектов и хурритами, а в Северной Месопотамии уже в новом качестве смогли создать государство Митанни [Трубочёв, 1999].

Версия об ахейцах на кавказском побережье Понта (а, следовательно, и об области, ими занимаемой) принадлежит Страбону, разместившему в этом районе племена ахейцев, зихов и гениохов, которые занимаются морским пиратством и которым свои торжища предоставляют соседние боспорские правители [Писаревский, 1997]. Появление этих племён в греческих мифах связывалось с походом аргонавтов в Колхиду. Во всяком случае, ахейцы и гениохи рассматривались в качестве их потомков, причём упоминаемые рядом с ними зихи считались возницами Диоскуров спартанского происхождения. Наличие такой информации должно указывать, что Ахая на Кавказе как, соответственно, Индия в том же регионе упоминаются в античной традиции отнюдь не случайно, но отражают уходящие в глубокую древность представления времени миграции предков древних греков на территорию Пелопоннеса через Кавказ, где, по мнению В.Л. Цымбурского, в районе Ая в Колхиде может быть локализована их первая промежуточная пра-родина, а в районе Гомеровской Трои – вторая [Цымбурский, 2005, с. 309–320; Шапошников, 2010, с. 312–334].

Однако такая постановка вопроса встречает возражения со стороны специалистов, занимающихся исследованием греческой колонизации Причерноморья, в том числе, и кавказского побережья Понта Эвксинского. Одним из таких исследователей является С.Ю. Сапрыкин, взгляды которого по интересующему нас вопросу весьма показательны.

Согласно описанию Страбона, за Синдикой и Горгиппией вдоль моря идет побережье ахейцев, зихов и гениохов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как составляет уже часть Кавказа. Эти племена живут разбоем, в основном, морским, используя для этого лады-камары, которые вмещали до 30 человек [Сапрыкин, 2006]. Существовало предание, что эту Ахею заселили ахейцы-фтиоты из отряда Ясона (Strabo. IX. 2. 42; Ps.-Scymn. 718–720; Anon. Periopl. 10). Евстафий в комментариях к Дионисию Перизегту, используя Страбона, говорит, что поселенцы основали Фтию в Азии, спутав, как считается, Азию с понтийской Ахайей (Eustaph. Comm. ad Dion. Perieg. 680) [Сапрыкин,

2006]. Ахейцам в их морских набегах помогали властители Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Затем они возвращались в родные места. Они подчинялись царям, признали власть Митридата Евпатора и помогли ему добраться до Боспора и укрыться там от Помпея (Strabo. XI. 2. 12–13; App. Mithr. 102) [Сапрыкин, 2006; Писаревский, 1978].

В легенде о переселении в Северо-Восточное Причерноморье ахейцев есть и рациональное зерно – существование в районе современного г. Туапсе населенного пункта Ахайя, именовавшегося в разное время и как Ахейская гавань, и как порт ахейцев, и как кома Ахайя, **и как древняя Ахайя**. Хотя эта область до сих пор является медвежьим углом отечественной классической археологии, где регулярных раскопок не проводилось, эпизодические и разведочные обследования выявили существование в окрестностях Сочи и Туапсе поселений, которые дали исключительно греческий материал с VI в. до н. э. до IV в. н. э. [Сапрыкин, 2006]. Любопытно, что среди находок встречается немало вещей боспорского происхождения, что подтверждает сведения Страбона о заинтересованности боспорских владык в этом регионе и даже о возможном контроле с их стороны за состоянием дел у ахейцев, гениохов и зихов.

Нельзя исключать, что Ахея возникла на кавказском побережье Понта в ходе греческой колонизации в VI в. до н. э., и ее действительно заселили фтиотийцы из Фессалии, как указывает Страбон. Выходцы из Фессалии могли появиться в этом регионе вскоре после основания Гераклеей Понтийской, в котором они принимали участие, и о чем сохранились отголоски в ее полисных институтах и названиях дочерних выселков на хоре [Сапрыкин, 2006]. Местная легенда об участии аргонавтов в основании Ахеи вполне укладывается в общеэллинскую мифологическую традицию связывать контакты греков с варварами и даже возникновение колоний на Понте и в Италии с плаванием аргонавтов. Достоверность легенды об участии фтиотийских ахейцев в плавании к побережью Кавказа подтверждается тем, что среди аргонавтов были выходцы из Фтии в Фессалии (Apol. Rhod. I. 51–56; 94). Поэтому можно допустить, что городок Фритиорис, название которого было связано с Фтией в Фессалии, имел отношение к понтийской Ахайе, заселенной фтиотами в ходе греческой колонизации [Сапрыкин, 2006].

Противоречия в рассуждениях исследователя видны невооруженным глазом. Они весьма контрастно показывают правомерность переноса времени возникновения понятия «кавказской Ахеи» с периода греческой колонизации Причерноморья на времена миграции в Грецию тех эллинов-ахейцев, переправы которых зафиксированы Плинием Старшим как на Борисфене (р. Днепр), так и в районе Синопы, через которую со времён Перикла направлялись дары гипербореев Делосскому Аполлону [Писаревский, 2009; Писаревский, 2010].

То, что такая трактовка имеет право на существование, находит подтверждение у Страбона, который в своём труде зафиксировал распространение понятия «Аххайя» от Греции до Индии: Ахайя, город в Арии (Strabo, VIII, 11, 5); Ахайя в Азии (VIII, 3, 5); Ахейон – город в Троаде (VIII, 6, 25); Ахея, город в Арии (XI, 10, 1); Ахея – город в Арахозии (XI, 10, 1); Ахея – город на Киммерийском Боспоре (XI, 2, 11) и др. Интерес представляет и сообщение Страбона о том, что «ахейцы были по происхождению фтиотянами, но жили в Лакедемоне» (VIII, 7, 1), и что в области Средней Греции Элида находится мыс Аракс (VIII, 2, 4), идентичный названию тех Араксов, с которыми современные исследователи идентифицируют реки Аракс и Арагви в Закавказье, Волгу в Восточной Европе (VIII, 2, 4) [Маан, 2014, с. 36]. Всё это совпадает с этнонимией и ономастикой древнеиндийских гимнов и эпических поэм (Атри, Бригу, Хайхайи-айла (ахейцы-эолийцы = аххийява хеттских текстов) [Васильков, 2010; Писаревский, 2013].

Особую важность приобретают наблюдения, сделанные С.Р. Тохтасьевым [Тохтасьев, 2017]. Ему удалось обнаружить в средневековых списках античных рукописей упоминания об Индии на Кавказе и в непосредственной близости от Меотийского озера (Азовского моря), по берегам которой проживали племена меотов и синдов, которых упоминает

Геродот в V в. до н. э., считая их скифскими данниками с греческими именами своих царей (Гекатей у синдов), а Гесихий в своём словаре этнонимов северопричерноморских племён определяет их как «народ индийский» (sindon ethnos Indikon) (Hesyh., s.v. Sindoi). И хотя исследователь относит появление этих терминов за счёт недоразумений или невнимательности монахов-переписчиков, с учётом приводимых нами аргументов картина вырисовывается диаметрально противоположной и в пользу исторического существования Кавказской Индии в исторической действительности.

А что просматривается в рукописях? Их анализ С.Р. Тохтасьевым укрепляет нас в высказанном выше мнении. В Διαμερισμός τῆς γῆς (Описании земли) Ипполита (?) в редакции Н в списке потомков Иафета он увидел прочтение Κολχίς, Ἰνδική, Ἀχαΐα, Βοσπορινή и пришёл к заключению, согласно которому Ἰνδική появилось из-за гаплографии ΚΟΛΧΙΣ ΣΙΝΔΙΚΗ (Колхида Синдская), однако автор редакции Н, как полагал он, не догадавшись, решил, что вообще лучше элиминировать эту «индийскую Ахею» из текста. Научнее поступил черпавший информацию из Ипполита автор «Пасхальной хроники», который разделил Ἰνδική Ἀχαΐα, поставив первое в другое место расширенного им списка стран, населённых потомками Иафета в произвольной последовательности: Κολχίς, Σπανογαλλία, Ἰνδική, Ἰβερία, Ἀχαΐα, Σπανία ἢ μεγάλη, Βοσπορινή (Колхида, Спаногаллия, Индика, Иберия, Ахайя, Большая Испания) [Тохтасьев, 2017, с. 150].

Далее, следуя С.Р. Тохтасьеву, получится, что в конце IV в. до н. э. боспорский правитель Эвмел владел, согласно Диодору (XX, 25, 4) [τῆς Ἰνδικῆς (cod. RX; в F)], также и Индией. Здесь подобно переписчику текста Геродота Vat 122 находим заметку-поправку переписчика Σκυθικῆς, что ему также представляется несуразным, но находится на самом деле уже в пределах разумного.

Основанием критики у С.Р. Тохтасьева выступают исключительно субъективные критерии. Рукописные Ἰνδοί, Σινδοί, Ἰνδική вместо Σινδοί, Σινδική являются, по его мнению, своего рода *lectiones faciliores* (удобными чтениями) или представляют собой разновидности гаплографии или диттографии. Что касается соседей древних ахейцев (ахеев), т. е. племён зихов и гениохов, упомянутых также Страбоном в XI, 2, 12, то С.Р. Тохтасьев вслед за этническими специалистами по этнографии народов Абхазии начисто отрицает какое-либо индо-арийское или прагреческое участие.

Однако внимательный анализ позволяет увидеть, что это не так. И в этом существенную помощь оказывают результаты анализа проблемы «Aia в Колхиде», примыкающей по своему содержанию к рассматриваемой нами теме, составляя один из её аспектов.

В последнее время в зарубежной и отечественной науке получил распространение интерес, проявляемый учёными к реинтерпретации и переосмыслению греческих мифов о походе Аргонавтов, который распространился и на памятники орфической традиции эпохи архаики и эллинистической (Аполлоний Родосский) поэзии. Определяющий вектор рассмотрения сюжетных линий этих произведений выразился в поиске, с одной стороны, отображённых в них географических представлений и реалий с учётом жанра подвергаемых анализу произведений, а с другой стороны – рост количества интерпретаций т. н. пути возвращения персонажей данного мифологического цикла из Колхиды на родину в Иолк.

В этих последних преобладает убеждение, согласно которому в различных литературных версиях похода Аргонавтов вообще и их обратного пути в частности заметную роль играет Северо-Восточное Причерноморье со своими реками и морской акваторией. В отечественной историографии данная тенденция нашла весьма яркое отражение в публикации В.Т. Мусбаховой и Д.А. Мачинского [Мачинский, Мусбахова, 2009].

Внимательное знакомство, однако, показывает, что предпринятые попытки производились в русле традиционных подходов и представлений, исключая из поиска аспект, связанный с общностью происхождения, а, следовательно, и религиозных представлений, мифологии и эпической поэзии у народов, заселявших этот регион в эпоху классики.

Во всяком случае, до появления публикаций О.Н. Трубочёва и Э.А. Грантовского совершенно игнорировался факт реликтового характера социумов синдов и меотов в При-

азовье, а трактовки вопроса об Эе в Колхиде, Фасисе как границе Европы и Азии в лучшем случае продолжали традиции, заложенные В. Али и Р.В. Гордезиани, оставляя без внимания факты различий в местоположении Aia, родственных связей царя Колхиды с греческим Коринфом и династами тавров, не говоря уже о знаковости имён бежавших из Иолка в Колхиду Фрикса и Геллы [Гордезиани, 1978].

Важное, существенного порядка наблюдение было сделано в своё время В.Л. Цымбурским и Л.А. Гиндиным, которые при исследовании совершенно иной проблематики высказали мысль, согласно которой Трою (как и Эю в Колхиде) следует относить к числу промежуточных прародин древних греков на пути их переселения на Балканы через Кавказ и Малую Азию. Такая постановка вопроса вписывается не только в свидетельства греческих мифов и античной традиции о родственных взаимосвязях царских домов Колхиды и племени тавров, но и находит как лингвистические (Геката, супруга Ээта/Айэта, и Гекатей – царь у синдов в V в. до н. э.), так и археологические подтверждения. Более того, в несколько ином аспекте начинает проявлять себя информация античных авторов об ахейских гаванях в Северном Причерноморье, племенах будинов, гелонов, зихов, ахейцев и гениохов на кавказском побережье Чёрного моря (в том числе и на территории Кавказской Албании). Её можно рассматривать в качестве мифопоэтических реалий, отложившихся на уровне общественного сознания, характеризовавших представления греков эпохи классики относительно своего собственного прошлого.

Хорошо известно, что древние греки никогда не считали себя автохтонным населением на Балканах. А это можно рассматривать как показатель глубины и прочности разнотипного отображения исторических реалий их этногенеза, закодированного на уровне подсознания.

Доказательство историчности носителей греко-арийской культурной и языковой общности открывает новые возможности в историческом объяснении сюжетов, как мифологии двух народов, так и их родства на начальных этапах своей истории¹.

Ситуация становится прозрачной, если обратить внимание на два имеющих существенное значение, но взаимосвязанных между собой, аспекта. С одной стороны, следует изучить данные о присутствии ахейцев в Северо-Восточном Кавказе и на кавказском побережье Чёрного моря (представления об их природе и происхождении). С другой стороны, требует осмысления сходство ономастикона основных персонажей греко-индийской мифологии, проявляющегося, в особенности, в связи с сюжетом о земле Aia в Колхиде, и содержащего это понятие в качестве своей корневой основы.

С точки зрения доказательства данного тезиса первостепенного внимания заслуживает рассмотрение трёх важнейших вопросов. Что такое Айя в Колхиде вообще, у Геродота в частности (Herod., I, 2)? Кто такой Айэт, царь Колхиды, и что представляет собой его окружение? Кто такой царь Яяти, кого он персонифицирует, каково его окружение и насколько он идентичен царю «земли/страны Айя» Айэту?

С точки зрения лингвистики и этимологии понятия Айя и Колхида достаточно давно разведены друг от друга в науке. Первое из них считается древнейшим, поскольку только в поздних источниках Айя/Aia отождествляется с Колхидой, представляя собой в сообщениях античных авторов одновременно топоним на р. Фасис/Риони и столицу царства Колхов [Лордкипанидзе, 1975]. Айя представляется богатой золотом страной, расположенной на окраине населённого мира, но имеющей связи с жителями Иолка и Коринфа. По мнению Ю.В. Андреева, она объект мифологического, а не реального пространства [Андреев, 1990,

¹ Нарастание интереса к данным мифов на современном этапе объясняется открытием в них специфического историзма. С одной стороны, миф находится вне реального пространства и времени. Однако в эпической трансформации он приобретает пространственные и временные характеристики. География передвижений и первых поселений легендарных прародителей... не может быть обусловлена только мифологическими или религиозными факторами. Более того, героический эпос, сформированный в процессе этнической консолидации, хотя и развивается в ходе этногенеза и расселения племени, но, сохраняя свою чистоту, остаётся недоступным для внешних воздействий. См.: [Мелетинский, 1986; Петросян, 2009].

с. 172; Мелетинский, 1986, с. 62; Петросян, 2009, с. 66–67].¹ Ещё более радикальная мысль относительно утопичности представлений о Айе присутствует в трудах современных учёных.² По их мнению, Айя-Колхида в мифологическом контексте – место обитания душ и потустороннее царство. Другая группа исследователей не снимает с повестки дня рассмотрение Айи как «земли обетованной» и полусказочной страны. Основанием для этого служит то, что определение Αἴα означает простейшее понятие «земля». С другой стороны, обращалось внимание на «совпадение» Айя с названием дерева «эйа». Эта этимология подробно аргументируется В.Н. Топоровым в качестве абсолютно бесспорной, поскольку дерево «эйа» олицетворяет собой символ вечной жизни и имеет надёжную ИЕ этимологию от ИЕ: *ei- /*oi-, расширяемое с помощью элементов -wo-, -ko-, -o-. Это дерево – мировое древо. А само слово в его локальных вариантах под разными названиями в разных языках имеет в виду помимо тиса дерева самых разных пород (др.-греч. οἴη «рябина», лат. uva «виноград» и т.п.). В этом дереве воплощены две идеи: вечная юность и вечное возрождение – *eu/*ayu- (*aiw-/*ayu-, др.-инд. ау- «жизненная сила», авест. ау- «длинная жизнь», др.-греч. αἰφωπυ «век, жизнь, поколение», лат. aevum «век, вечность» и т.п. а также лат. juvenis «молодой»). Понятие юности в ИЕ языках, по глубокому убеждению В.Н. Топорова, кодируется тем же самым языковым элементом [Топоров, 2010, с. 293–317].

В указанном контексте следует трактовать и фигуру царя колхов с производным от названия страны Айя именем Айэт (Αἰητης). Согласно данным мифов греков, он – сын Гелиоса и Персеиды. Он же – фигура, которая, согласно Эвмелу, связывает с Колхидой Коринф, намекая на дорийское происхождение персонажа. Его дочь – волшебница Медея (Μηδεία), которая сбегает с предводителем аргонавтов Ясоном в Иолк. Не принятая в Греции, Медея возвращается на родину и восстанавливает своего отца на царство, трон которого был захвачен его братом Персом. В другом варианте мифа в Колхиде начинает править сын Медеи от Ясона Мед (Μηδος / Μηδειος), великий царь, захвативший большую часть Азии. Ономастикон, присутствующий в различных версиях сказания, как давно подозревали специалисты, символизирует собой этнонимы фрако-фригийских племён. Были попытки объяснения имени Медеи на греческой почве от ИЕ корня *med-, греч. μεδομαι «мерить, думать, врачевать». Считается, что негреческое имя Медеи под влиянием созвучных основ породило соответствующие ассоциации, поскольку первичным именем Ясона было Диомед, и потому его вторая часть могла лечь в основу имени сына Медеи. Обращают на себя внимание не только греческие аналоги, но и связь имени Медеи с именем индийской принцессы Мадхави/Madhavi, которое, как установлено М. Майрхофером, этимологически происходит из ИЕ *medhu- «медовуха, медовый напиток» [Васильков, 2010]. Такую трактовку можно распространить и на имя Медеи, которая отличалась знаниями в области использования волшебных трав, усыпляя и отравляя своих соперников (дракона и Главку: переход к опьяняющему напитку и отравляющим настойкам можно объяснить развитием образа волшебницы-колдуньи в греческой традиции). Самое же важное наблюдение сделано А. Петросяном. «В именах Mēdeia и Mādhavī, – указывает он, – совпадает длина первого гласного и ударение на нём (ИЕ e в индийском переходит в a)» [Петросян, 2016, с. 863; Топоров, 2010, с. 293–317]. На этом основании он приходит к заключению, согласно которому, восходя к единой ИЕ праформе вместе с именем Мадхави, имя колхидянки Медеи представляет собой не греческое имя в греческом *dh > θ (th), а выпадение w/v теоретически могло происходить позже на греческой почве (переход *w > Ø присущ греческому). Более того, нетрудно заметить, что восточные имена жены Айэта (Идия/Iada/Yadu) и дочери царя (Ме-

¹ Нарастание интереса к данным мифов на современном этапе объясняется открытием в них специфического историзма. С одной стороны, миф находится вне реального пространства и времени. Однако в эпической трансформации он приобретает эти характеристики. География передвижений и первых поселений легендарных прародителей не может быть обусловлена только мифологическими или религиозными факторами. Более того, героический эпос, сформированный в процессе этнической консолидации, хотя и развивается в ходе этногенеза и расселения племени, но, сохраняя свою чистоту, остаётся недоступным для внешних воздействий.

² Считается, например, что Айя – образ потустороннего мира и царства, а поход в него аргонавтов представляет собой всего-навсего нисхождение в подземный мир (катабасис). См.: [Петросян, 2016, с. 862].

дея) в одном контексте сосуществуют как с эллинизированными туземными (Апсирт/Apshua/Apsu/Psou), так и с образованными от греческого корня (Халкиопа) [Елизаренкова, 1995; Елизаренкова, 1995а; Кёйпер, 1986, с. 92; Васильков, 2010, с. 93–95].

Из других наблюдений необходимо обратить внимание на то, что Айэт имеет сестру, обитающую на острове, название которого типологически родственно его собственному имени, и кроме того, с помощью удвоения воспроизводит название его собственной страны Αἰα. Ещё более симптоматичным выступает имя Айэта в контексте упоминаний о нём, с одной стороны, как о «жителе из блаженной потусторонней страны вечной молодости», а с другой – его определение в качестве «человека из страны Ая», которое находит точный аналог в хеттских документах с упоминанием «человека из страны Аххийява». Последнее – показатель известной историчности данных греческой мифологии об Αἰα, которая Геродотом одним из первых была отождествлена с Колхидой (Herod., I, 2; VII, 193, 197).

Аналогом царя Колхиды Айэта с точки зрения морфологического сходства выступает имя индийского царя Яяти (Yayāti), одного из важнейших персонажей «Махабхараты» и «долгожителя» индийской мифологии и эпической традиции. Яяти – властитель, лучший из царей, праотец царей и народов, владыка тысячелетней молодости, житель множества райских миров. Его сыновья (один от женщины из племени данавов, другой – от женщины из племени даитьев) становятся первопредками племён Индии (в том числе греков и других западных народов) (Mhb., I, 70–88; V, 105–119).

С точки зрения этимологии имя Яяти считается неясного происхождения. Вероятнее всего, оно является заимствованием из другого языка или, с меньшей долей вероятности, исходит из корневой основы на уat- «упорядочиваться, стараться». По мнению А. Петросяна, можно найти доводы, свидетельствующие в пользу связи Яяти с ИЕ *aiw-/*ayu-. Во-первых, он, можно сказать, жил вечной молодостью, а во-вторых, дедом Яяти был Айю, имя которого восходит к корню «юношеская жизненная сила, вечность» (он ещё называется «юнейшим») (PB I, 53, 10). Поскольку, как установлено к настоящему времени, греческий и индийский языки в ИЕ контексте являются не только особо близкими, но и родственными друг другу, а в именах Αἰῆτες и Yayāti соответствуют даже ударение и длина второго слога, то общность персонажей двух родственных мифологий не выглядит простым совпадением. Более того, с именем Айэта этимологически почти полностью совпадает имя брата Яяти – Айяти (Mhb., I, 70, 29). То, что это закономерно, объясняется этимологическим восхождением к единому прототипу, что находит подтверждение в объяснениях словообразования имени последнего. Не менее примечательно и то, что начальный у- в имени Yayāti может объясняться неполной редупликацией корня, обусловленной стремлением к усилению имени. Кстати, как уже отмечалось нами выше, удвоение встречается и в случае с Ая – в названии острова сестры Айэта – острова Айайи в «Одиссее» Αἰαίη, представляющим удвоенный вариант Ая, поскольку родиной Кирки, как и её родного брата, была Ая, что и засвидетельствовано Гомером, позаимствовавшим сюжет о путешествии аргонавтов для «Одиссеи».

Суммируя результаты наших наблюдений, следует с достаточной уверенностью утверждать об особой близости общеиндоевропейского сюжета в мифологиях древних индийцев и греков. Данное впечатление опирается не только на сходство имён персоналий, упоминания о племени данавов и даитьев, от которых берут начало царские династии ведических ариев, но и на общие законы, свойственные морфологии и словообразованию двух родственных языков, особая близость которых проявляется в совпадении ударений и длиннотах словарных выражений. Это означает, что в мифе об аргонавтах образ Айэта – царя Ая-Колхиды – идентичен образу царя Яяти, а сопоставимость имен их дочерей – Медеи и Мадхави – выступает вполне конкретным доказательством существования греко-арийской общности – колыбели двух народов, сохранивших в своей памяти представления о своём былом родстве [Андреев, 1990].¹

¹ По мнению А. Петросяна, Эти имена этимологически, или вторично, по причине близкого звучания связаны с омонимическими корнями, обозначающими вечность, жизненную силу и ритуальное дерево. См.: [Петросян, 2016, с. 863–864].

Но самые перспективные факты проистекают из родословной младшего сына Яти Яду, который отказался отдать отцу свою молодость и был обречён странствовать до тех пор, пока не придёт в землю людей, называющих лопату веслом. По генолиниям отца и матери он выступает прямым потомком (пра-пра-пра-пра-правнуком) создателей ведических гимнов Атри и Бхригу, а среди его собственных потомков называется Кришна, имя которого ассоциируется отдельными специалистами с именем древнегреческого Кроноса. Являясь царём одноимённого племени, Яду находится в близких отношениях со своим братом, эпонимом племени турваша (Turvasu), потомки которого образовали царство яванов (yavana), причём из контекста следует, что данное событие имеет отношение ко временам задолго до образования греко-индийских царств эллинистической эпохи. Основанием для такого суждения служит как датировка текстов (?), так и именной указатель прямых наследников Атри. Среди них мы встречаем сына Атри Чандру (имя которого родственно греч. Andros), его внука Будху, правнука Пуруруваса (прообраза Прометея), мать которого была Ила/Ида, пра-правнука Айюса/Ayus, который породнился с гандхарвами (кентаврами). Этот последний указывает на близость личных имён и мифологических названий у древних индийцев и древних греков, причём эта близость связана, как установлено специалистами, со словарным запасом эолийского и близкого к нему дорийского диалектов [Писаревский, 2017; Елизаренкова, 1995; Кёйпер, 1986].

А это уже само по себе ставит на передний план тождество Aila/Па с эолийцами (Αἰολεῖ). Более того, присутствие этой корневой основы в форме aila/aiwales А.Л. Гиндин и В.Л. Цымбурский (вслед за итальянским исследователем О. Каррубой) усматривают в названии страны Ahhiyawa хеттских дипломатических документов [Гиндин, Цымбурский, 1995]. В нём самого серьёзного рассмотрения требует и вторая часть этого слова – внимания к себе yawa/yawan, которое, выступая в качестве кальки, соответствует индоарийскому и иранскому определению этнонима ионийцев (Ἰωνεῖ), и кроме того, в специальной литературе находит и социальную трактовку как определение в греко-арийских языках социальной группы «юношей» в древнеиндийском и древнегреческом обществах эпохи их этногенеза [Кулланда, 2006].

Родословная царя колхов Айэта, его окружение и ареальные связи со «скифами» и «таврами», маршруты преследования похитителей Золотого руна и сопутствующие топо- и этнономастики в указанном отношении, как нам представляется, могут стать весьма информативными.

При этом дополнительной становится информация, согласно которой братом царя Айэта называется враждовавший с ним Перс, отстранивший его от власти, которую вернули Медея или её сын Мед (по другой версии – царь тавров, отравленный своей дочерью Гекатой (Diod., IV, 45, 2). От этой последней царь Айэт имел сына Эгиалея (Αἰγιάλεος), имя которого идентично с именем Эгиалея, сыном бога реки Инаха и нимфы Мелии, и также с названием области на Пелопоннесе. Самое же интересное не столько в том, что его вторым именем было Апсирт/Абсирт / Αψυρτος, под которым он был более известен античной традиции (Hug. Fab., 23; Apollod., Myth. Bybl., I, 9, 23), сколько в том, что в качестве его матери называется, с одной стороны, Идия, законная супруга Айэта, а с другой – Ипсия.

Следует также упомянуть имена аргонавтов Идаса, сына Афарея и Идмона, сына Аполлона. В мифах греков Идас сын Афарея (или Посейдона) (Hom., II, IX 558) называется пришельцем в Мессению. Его братом считался Линкей, вместе с которым он выступал аналогом спартанских Диоскуров. Что касается второго, то Идмон (Ἰδμων) с точки зрения рассмотрения нашей темы представляет особенную важность как прорицатель и участник похода Диониса к индам (Nom. Act. Dion., XXXVIII, 30).

Первостепенный интерес приобретает информация, согласно которой индийские аналоги и параллели находят имена Ясона (Ἰάσων) и его отца Эсона (Αἰσων), царя Иолка, внука первого царя Фессалии Эола и участника сражений кентавров с лапифами (Val. Flacc., Argonaut., I, 338). К этому следует добавить сосуществование в одном контексте цикла мифов о походе Аргонавтов как греческих, восточных, так и «туземных» имён (имя жены Айэта – Идии, имя которой напоминает определение Малой Азии и Аттики Страбо-

ном и Геродотом (Iada) и этноним ведийского племени Yadu); имена дочерей царя – Медее и Халкиопа, имя его сына – Апсирт), засвидетельствовавших контакты между носителями индо-арийского, греческого, фракийского и других ИЕ языков. Интерес представляет и то, что Кирка была родной дочерью Гелиоса – бога солнца – и одновременно сестрой царя Айэта и, следовательно, приходилась теткой его знаменитой дочери Медее. Сыном Эола называется в мифах и Афамант (Αθάμας) царь Фессалии или Беотии, брат Сизифа, ахеец, вождь племени афаманов, а в качестве его детей – Фрикс и Гелла. Современником его был царь Орхомена Андрей, предоставивший Афаманту убежище после изгнания последнего из Беотии. Кроме того, Афамант имеет отношение к Фтии, в которой он основал город Гал, имя которого довольно прозрачно близко с именем Индры.

Близкое по морфологии к Афаманту имя носит и другой персонаж – Фоант, современник Критского Радаманта, сын Диониса и Ариадны, дочери Миноса, появления фракийцев на острове (Diod., V, 79, 2; Ap. Rhod., Argonaut., IV, 25; Apollod., Myth. Vvbl., Ep. 19). По другой версии, он – сын Борисфена, современник Ореста, Пилада и Ифигении, царь тавров (Ant. Lib., Myth., 27, 3; Hyg., Myth., 15).

Не менее важным персонажем, связь которого ассоциируется в мифах с акваторией Понта и ахейцами на его побережье является Иалмен Ιαλμενος, возглавивший здесь, по сообщению Страбона, апойкию орхоменских колонистов (Strab., IX 2, 42). Это свидетельство, приводимое античным автором в контексте его сообщений о бегстве Митридата VI Эвпатора через земли племён ахеев, зигов и гениохов в сопоставлении с другими показаниями мифов, этно- и топономастическими данными, позволило несколько в ином свете воспринять информацию т. н. Певтингеровой таблицы IX, зафиксировавшей хороним «Ахайя», а, следовательно, иными глазами посмотреть на определение «Индийская Ахейя», встречающееся в рукописях античных авторов, писавших о синдах, которое воспринимается до настоящего времени в качестве ошибок их переписчиков – византийских монахов.¹

Подведём итоги. Индская Ахайя и Ахейская Индия – отображение реликтового порядка топонимии в мифах греков, сохранивших реалии информации о переселении предков древних греков через Кавказ и Малую Азию на Пелопоннес. Кавказская Ахейя, располагавшаяся по соседству с Кавказской Албанией, таким образом – историческая реальность, а не плод ошибок и непонимания как античных авторов, так и средневековых переписчиков их рукописей-монахов.

Излагаемая концепция находит подтверждение в результатах исследования множества родственных аспектов. Это: этнонимия и гибридность миграционных волн в Грецию и Индию; аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии; проблема куру – куретов для Греции и Индии; это – степная ИЕ гипотеза; ситуация с аргонавтами; ситуация с Идасом и Иасом в греческих мифах; ситуация с Диоскурами; ситуация с греко-арийской общностью в археологии; карта Птолемея, античные периплы и античная картография вообще; инды Кубани – прапредки ариев Северо-Западной Месопотамии и элитарная культура между греками и скифами; проблема мифа и его сущности; это – вопрос о полиэтничности древних греков; интерпретации рек под названием Фазис и их локализация; ситуация с генно-антропологическими исследованиями; метаморфоза мифа об Ио и её древность; ситуация с метатезной вариацией этнонимов; ситуация с Понтийскими ариями; ситуация с греко-арийскими сходствами; ситуация с Ригведой, ономастикой, хронологией; Урало-Европейские параллели в языке ариев Ригведы; языки индоарийской ветви и др.

Размеры статьи не позволяют дать их подробное изложение. Но они дают возможность сформулировать основной тезис. Недифференцированный синтез разнотипных античных источников и современный уровень интерпретации их свидетельств в науке долж-

¹ Высокая вероятность такого предположения вписывается в наблюдения Дж. Бласвейлера, согласно которым Колхида представлена в мифе как царство с единственно греческими божествами из Эллады, а вся событийная история первой части мифа об Аргонавтах (Золотого в определении автора) изначально базировались в Беотии. См.: [Blasweiler, 2014].

ны быть переосмыслены. Только детальный анализ их свидетельств с учётом сущности, целевой ориентации и типологии отложившихся в них информационных пространств (мифологического, поэтического, историографического) в сочетании с данными археологии и лингвистики, позволят понять (а значит, и объяснить) феномены свидетельств, которые при первом знакомстве с ними создают впечатление нонсенса и исторической недоверности. Айя в Колхиде (или Колхидская Айя) в указанном отношении – один из самых характерных и показательных примеров.

Список литературы

References

1. Андреев Ю.В. 1990. Поэзия мифа и проза истории. Л., Наука, 322.
Andreev Yu.V. 1990. Poesiya mifa i proza istorii. L., Nauka, 322.
2. Бухарин М.Д. 2002. Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции. Индия и античный мир. М.: 138–189.
Bucharin M.D. 2002. Indiyские pohodi Dionisa v antichnoi literaturnoy tradicii. India i antichnyi mir. M.: 138–189.
3. Васильков Я.В. 2010. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб., Наука, 365.
Vasilkov Ya.V. 2010. Mif, ritual i istoriya v «Mahabharate». SPb., Nauka, 365.
4. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. 1995. Троя и пра-Аххийява. ВДИ. 3: 21–29.
Gindin A.L., Tsyumburskiy V.L. 1995. Troya i pra-Ahhiyava. VDI. 3: 21–29.
5. Гордезиани Р.В. 1978. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, Мецниереба, 433.
Gordeziani R.V. 1978. Problemy gomerovskogo eposa. Tbilisi, Mazniereba, 433.
6. Елизаренкова Т.Я. 1995. Мир идей ариев Ригvedы. Ригveda. Мандалы V–VIII. Пер. и издание подготовила Т.Я.Елизаренкова. Под ред. П.А.Гринцера. М., Наука, 752.
Elizarenkova T. Ya. 1995a. Mir idey ariev Rigvedi. Rigveda. Mandaly V–VIII. Per. i izd. podgotovila T.Ya. Elizarenkova. Pod red. P.A. Grincera. M., Nauka, 752.
7. Елизаренкова Т.Я. 1995а. Слова и вещи в Ригvedе. М., Наука, 388.
Elizarenkova T. Ya. 1995a. Slova i veshi v Rigvede. M., Nauka, 388.
8. Кёйпер Ф.Б.Я. 1986. Труды по ведийской мифологии. М., Наука, 511.
9. Keiper F.B.Ya. 1986. Trudy po vediyской mifologii. M., Nauka, 511.
10. Кулланда С.В. 2006. Половозрастная стратификация в индийских текстах. – URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-210-4/978-5-88431-210-4_02.pdf С. 41–42, 50. (дата обращения: 06.03.2019).
Kullanda A.N. 2006. Polovozrastnaya stratifikaciya v indiyских tekstah. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-210-4/978-5-88431-210-4_02.pdf С. 41–42, 50. (data obrashheniya: 06.03.2019).
11. Лордкипанидзе О.Д. 1975. Страна волшебницы Медеи. Тбилиси, Нино, 422.
Lordkipanidze O.D. 1975. Strana volshebniци Medeyi. Tbilisi, Nino, 422.
12. Маан О.В. 2014. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум, б.и., 222.
Maan O.V. 2014. Problemy etnicheskogo razvitiya ni tradicionno-bytovoy kulturi abhazov. Suchum, 222.
13. Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т. 2009. Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам). Боспорский феномен. СПб., 319–355.
Machinskiy D.A., Musbachova V.T. 2009. Ostrob Kirki i izobrazheniya na kelermesskom ritone, predverie Aida i drevneishaya grecheskaya raspisnaya keramika v Severnom Prichernomorie (po «Odisee» i archeologicheskim materialam). Bosporskiy Phenomen. SPb., 319–355.
14. Мелетинский Е.М. 1986. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., Наука, 321.
Meletinskiy E. M. 1986. Vvedeniye b istoricheskuyu poetiku eposa i rommana. M., Nauka, 321.
15. Николаев А.Н. 2006. Ἰαοvη. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. II. Часть I. СПб., 1098–1099.
16. Nikolaev A.N. 2006. Ἰαοvη. Acta Linguistica Petropolitana. Trudi institute lingvisticheskikh issledovaniy. T. II. Chast I. SPb., 1098–1099.

17.Петросян А.Е. 2009. О происхождении армянского народа: проблема идентификации протоармян (критический обзор). Армянский вестник. Вып. 2/3. 1: 66–67.

Petrosyan A.E. 2009. O proischozhenii armyanskogo naroda: problema identifikacii protoarmyan (kriticheskiy obzor). Armyanskiy Vestnik. Vip 2/3. 1: 66–67.

18.Петросян А. 2016. Миф об аргонавтах: индоевропейские параллели и история. Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX (2) (Чтения памяти И.М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 20–22 июня 2016 г. Второй полутом. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: 861–878.

19.Petrosyan A.E. 2016. Mif ob argonavtach: indoevropskie paralleli I istoriya. Indoevropskoye yazykoznanie I klassicheskaya filologiya – XX (2). Chteniya pamyati I. M. Tronskogo. Materiali mezhdunarodnoy konferencii, prochodivshey 20–22 iyunya 2016 g. Vtoroy polutom. Otv. red. N.N. Kazanskiy. SPb.: 861–878.

20.Писаревский Н.П. 1978. Античные авторы о камарах. Норция (Проблемы истории древнейших классовых обществ европейского Средиземноморья). Отв. ред. проф. А.И. Немировский. Вып. 2. Воронеж, 120–125.

Pisarevskiy N.P. 1978. Antichnye avtory o kamarah. Nortziya (Problemy istoriii drevneishich klassovih obshestv evropeyskogo Sredizemnomorya). Vip. 2. Otv. Red. A.I. Nemirovskiy. Voronezh, 120–125.

21.Писаревский Н.П. 1997. О конструкции морских разбойничьих судов пиратских племён кавказского побережья Чёрного моря в античную эпоху. Этюды по истории морского флота, судостроения и судоходства в Древней Греции. Морской флот и морской фактор в истории. Сборник научных трудов. Воронеж, 43–44.

Pisarevskiy N.P. 1997. O konstrukcii morskikh razboynichyih sudov piratskikh plemyon kavkazskogo poberezhya Chyornogo moray v antichnyuyu epohu. Aetyudi po istorii morskogo flota, sudostroeniya I moreplavaniya v Drevney Grecii. Morskoy flot I morskoy factor v istorii. Voronezh: 43–44.

22.Писаревский Н.П. 2009. Морские трассы на Понте Эвксинском во времена Геродота. Норция. Межвузовский сб. науч. трудов. Отв. ред А.П. Медведев. Воронеж, Вып. 6.: 112–123.

Pisarevskiy N.P. 2009. Morskie trassy na Ponte Evksinskom vo vremena Gerodota. Nortziya. Mezhvuzovskiy sb. nauch. trudov / otv. Red. A.P. Medvedev. Voronezh, Vip. 6: 112–123.

23.Писаревский Н.П. 2010. Священные дары гипербореев храму Аполлона на Делосе. Этнография Центрального Черноземья России. Воронеж. Вып. 9.: 4–30.

Pisarevskiy N.P. 2010. Svyashennye dari giperboreev hramu Apollona na Delose. Etnografiya Centralnogo Chernozemya Rossii.Voronezh, Vip. 6: 4–30.

24.Писаревский Н.П. 2013. Гелон Геродота. Эллинский город в стране будинов (исследования об этнической предыстории населения Среднего Дона и степи и лесостепи Евразии в скифское время). СПб., Наука, 365.

Pisarevskiy N.P. 2013. Gelon Gerodota. Ellinskiy gorod v strane budinov (issledovaniya po etnicheskoy predystorii naseleniya Srednego Dona I stepi I lesostepi Evrazii v skifskoye vremya). SPb., Nauka, 365.

25.Писаревский Н.П. 2017. Греко-арийские параллели. I. Этнонимия. Вестник ВГУ. Сер. История, политология, социология. 2: 5–9.

26.Pisarevskiy N.P. 2017. Greko-ariyskie paralleli.I. Etnonimiya. Vestnik VGU. Ser. Istoriya, politologiya, sociologiya. 2: 5–9.

27.Писаревский Н.П. 2018. Инды за Фракией (к исторической интерпретации одного сюжета греческих мифов (Apolloд., III, 5, 2). Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4–6 октября 2018 г. Отв. ред. В.В. Деметьева. Ярославль: 23–28.

Pisarevskiy N.P. 2018. Indy za Thrakiey (k istoricheskoi interpretacii odnogo ssyuzheta grcheskih mifov (Apolloд., III, 5, 2). Drevnie civilizacii: socium I chelovek. Doklady konferencii Rossiyskoy assotsiacii antikovedov s mezhdunarodnym uchastiem YarGu im. P.G. Demidova, 4–6 oktyabrya 2018 g. Otv. Red. V.V. Demytyeva. Yaroslavl, 23–28.

28.Подосинов А.В. 2013. Странствия Ио в «Прометее прикованном» Эсхила и архаическая картина мира греков. Аристей. Вып. VII: 20–45.

Podosinov A.V. 2013 Stranstviya Io v «Prometee pricovannom» Aeshila I archaicheskaya kartina mira grekov. Aristey. Vip. VII: 20–45.

30.Подосинов А.В. 2012. Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея. Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2012. Вып. V: 73–112.

Podosinov A.V. 2012. Kuda plaval Odissej? O geograficheskikh predstavleniyah grekov v svyazi s puteshestviyami argonavtov, Gerakla i Odisseya. Aristej: Vestnik klas-sicheskoy filologii i antichnoy istorii. Vyp. V: 73–112.

31. Подосинов А.В. 2015. К вопросу об истоках Танаиса в представлениях античных географов. Боспорские исследования. 2015. Вып. XXXI: 315–324.

32. Podosinov A.V. 2015. K voprosu ob istokah Tanaisa v predstavleniyah antichnih geografov. Bosporskiye issledovaniya. Vip. XXXI: 315–324.

33. Рабинович Е.Г. 2003. Незримая граница. Евразийское пространство: Звук, образ, слово. Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 66–77.

Rabionovich E.G. 2003. Nezhimaya granitza. Evraziyskoye prostranstvo: Zvuk, obraz, slovo. Otv. Red. Vyach. Vs. Ivanov. M., 66–77.

34. Сапрыкин С.Ю. 2006. Новая митридатовская катойкия на Боспоре. ВДИ. 3: 84–86.

Saprykin S. Yu. 2006. Novaya mitridatovskaya katoikiya na Bospore. VDI. 3: 84–86.

35. Топоров В.Н. 2010. Образ мирового древа у Аполлония Родосского в мифо-ритуальном контексте. Древо мировое. М. Т. 2.: 293–317.

Toporov V.N. 2010. Obraz mirovogo dreva u Apolloniya Rodoskogo v mifo-ritualnom kontekste. Toporov v. n. Drevo mirovoe. M. T. 2.: 293–317.

36. Тохтасьев С.Р. 2016. Из ономастики Северного Причерноморья: XXIII. Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX(2). Материалы чтений, посвящённых памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 1002.

Tochtasyev S. R. 2016. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya: XXIII. Indoeuropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XX (2). Materialy chteniy, posvyashyonnykh pam'yati prof. I. M. Tronskogo. SPb., 1002.

37. Тохтасьев С.Р. 2017. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора. Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Вып. 6: 149–154.

Tochtasyev S.R. 2017. Varvarskiye plemena, sosedi grecheskih gorodov Bospora. Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i materialnoy kultury. Almanach. Vip. 6: 149–154.

38. Трубачёв О.Н. 1999. Indoarica в Северном Причерноморье. М., Наука, 366.

Trubachyov O.N. 1999. Indoarica v Severnom Prichernomor'ye. M., Nauka, 366.

39. Цымбурский В.Л. 2005. Эя и Троя (прагреки в Северо-Западной Анатолии и происхождение топонима (Αἶα)). Hrda manasa: Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л.Г. Герценберга. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: 309–320.

Tsyumburskiy V.L. 2005. Aeya i Troya (pragreki v Severo-Zapadnoy Anatolii i proishozhdenie toponima (Αἶα)). Hrda manasa: Sbornik ststey k 70-letiyu so dnya rozhdeniya professor L.G. Gercenberga. Otv. red. N.N. Kazanskiy. SPb.: 309–320.

40. Шапошников А.К. 2010. Рец. на кн. Hrda manasa: Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л.Г. Герценберга. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2005. Этимология / отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М.: 312–334.

Shaposhnikov A.K. Rec. na kn.: Hrda manasa: sbornik statey k 70-letiyu so dnya rozhdeniya professor L.G. Gercenberga. Otv. red. N.N. Kazanskiy. SPb.: 312–334.

41. Blasweiler J. 2014. Medea, Cytissorus, Hekate, they all came from Aea. Historical and Cultic Evidence from Hellas in the Golden Fleece Myths. Amhem-Sydney, 533.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Писаревский Н.П. 2019. Скифская «Индия» и кавказская «Ахайя». Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 46 (2): 217–228. Doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-217-228.

Pisarevskiy N.P. 2019. Scythian «India» and Caucasian «Achaia». Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 46 (2): 217–228 (in Russian). Doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-217-228.